

Формула мировоззрения В.И.Вернадского

Двойственность творческого подхода составляет отличительную особенность всей науки Вернадского, – от методологии до мировоззрения, – и по признаку этого качественного своеобразия наука Вернадского не имеет аналогов не только в российской науке, но и естествознании в целом.

Онопrienко В.И.,
доктор философии, профессор РАН, академик Ноосферной общественной академии наук (НОАН)

В форме научного мировоззрения Вернадский *создал* новый, ранее неведомый, *предмет познания*, расположенный на стыке трёх отраслей знания – науки, социологии науки и истории науки, и по определению включающий в себя две части – философскую и научную. Отсюда ясно выводится общая философская специализация Вернадского: уставными опорами мудрости Вернадского ставятся категории «безграничного» и «бесконечного», что совокупно раскрывается в понятие «вечного»; человеческая мысль, данная в философской ипостаси, *вечна и бессмертна*. Прямым следствием этой философии служит мысль, что правом на вечность и пропуском в бессмертие обладает исключительно *индивидуальное* сознание и состояние, а коллектив («толпа индивидуальностей») никогда по этому признаку не может быть идентифицирован с «отдельной личностью», которая единственно создаёт научную мысль.

Великий натуралист и гениальный мыслитель, Вернадский принадлежит к когорте естествоиспытателей - энциклопедистов, которые стремились понять суть мира в целом, «объять природу - как он говорил - единым исполинским объятием». Но самое главное - он создал учение о БИОСФЕРЕ и ее переходе в сферу разума - в НООСФЕРУ. Учение, создающее фундамент для решения проблем устойчивого развития цивилизации. Точное обобщение богатых качеств Вернадского содержат слова С.Р.Микулинского: «Вернадский был учёным-энциклопедистом, и ему нет равных в XX веке по разнообразию областей, в которых он оставил глубокий след».

В.И.Вернадский, блистая гениальной интуицией, создав новый образ *Homo sapiens faber* (человек мыслящий созидающий), в конденсированном виде ввёл духовно-русские тенденции в материалистическую науку. В совокупном виде это означает, что в лице В.И.Вернадского русская интеллектуальная среда имела не ординарного творца научных знаний, вовсе не стандартного сотворителя научных теорий, научных идей или научных мнений, а *полновесного научного лидера* – автора цельных наук и научных направлений, типа Исаака Ньютона или Альберта Эйнштейна.

В.И.Вернадский, действуя в отсутствии духовной школы и находясь в *удушающем* духовном климате, вводит русское понятие человека в науку и тем самым не только сохраняет, но и дальше *развивает* русское духовное исповедание, погружая его в недра *материалистической науки естествознания*. Миниатюра Вернадского о **Homo sapiens faber** и откровение «человек – геологическая сила» есть *вызов* тому комплексу ноуменальных догматов, на

котором зиждется конструкция социального института в системе воинствующего материализма. Этим учёный доказывает, что, несмотря на разгром русской духовной школы, идеология последней – **культ личности** – не только сохранилась, но и находится в духовном строю, обретая свои духовные виды.

Самобытность Вернадского проявилась в создании некоего гибрида между научной мыслью как представителем строго организованного познания и философской мыслью как выразителем отвлечённого и вольного умозрительного творчества и назвал сей конструкт «*научным мировоззрением*». Так что научное мировоззрение выставляется Вернадским в нетрадиционном виде и имеет себя в качестве *философского конденсата в научной среде*. Данное обстоятельство лежит в основе методологии Вернадского, высвечивая созидательные тенденции его помыслов и определяя *grosso modo* (широком плане) *неклассический* облик его науки.

Достоинство *философского характера натуралиста* Вернадский выставляет через провозглашение торжества *созидательной установки* или ***критерия faber*** в каждой научной мысли. Здесь Вернадский сделал *три великие открытия*.

ПЕРВОЕ.

Исходя из идеи о научной мысли как природном планетарном явлении, Вернадский определяет: «В ней самой есть черты, только природным явлениям свойственные. Прежде всего, это видно в том, что ходу научной мысли свойственна определённая *скорость движения*, что она закономерно меняется во времени, причём наблюдается смена периодов её замирания и периодов её усиления». Здесь Вернадский обнаруживает *пульсацию* мысли как динамический принцип сочетания противоположностей («периодов её замирания» и «периодов её усиления»). Хотя понятие «пульсация» как способ сочленения противоположностей корнями уходит в натурфилософию Аристотеля, «пульсация» не была прорефлексирована как явление и имело хождение в качестве термина произвольного толкования. Вернадский углубил понятие пульсации научной мысли, связав *чередование интенсивностей научной активности с человеческим фактором*, но дальше эмпирической фиксации данного явления учёный не пошёл. Вернадский отметил: «Однако основным является нарождение талантливых людей и поколений. По существу этот факт вызывает возможность взрыва научного творчества; без него ничего не может быть. Если даже такие сосредоточения талантов в немногих поколениях бывали и в промежуточные периоды, но не выливались во взрывы научного творчества из-за неблагоприятных условий, наличие таких пульсаций талантливости в смене поколений всё же должна быть прежде всего для того, чтобы были взрывы творчества. Я не могу здесь останавливаться

на сколько-нибудь полном анализе этих явлений. Я хочу только отметить все известные факты. Всюду и всегда в истории всех наук мы видим, как на протяжении одного, двух, трёх поколений одновременно появляются талантливые люди, поднимают на огромную высоту данную область духовной жизни человечества и затем не имеют себе заместителей. Иногда надо долго ждать, чтобы вновь появились равные им умы или равные им таланты; иногда они не появляются».

Незадолго после смерти В.И.Вернадского другой гений России Н.Е.Мартьянов в трактате «Размышления о пульсациях Земли» вывел пульсации в неорганическом мире как универсальный закон взаимодействия природных систем, и в таком свете пульсации научной мысли по Вернадскому или *пульсации духа* приобретают самостоятельное принципиальное значение.

ВТОРОЕ.

Вернадский пишет: «Мы постоянно наблюдаем в истории науки, что та или иная мысль, то или иное явление проходят незамеченными более или менее продолжительное время, но затем при новых внешних условиях вдруг раскрывают перед нами неисчерпаемое влияние на научное мировоззрение». В этом есть онтологическое раскрытие **первой философы** Вернадского и в своём постижении учёный открывает, что неожиданно много того, что ныне признано обыденным и неоспоримым, на момент своего рождения было отвергнуто и считалось ошибочным или порочным. Вернадский утверждает: «Имена учёных, труды которых были встречены с пренебрежением при их жизни и оценены много позже, иногда долго спустя после их смерти, очень многочисленны», «...в истории науки мы нередко видим многократное открытие одного и того же явления, повторение одних и тех же обобщений. В этих открытиях видны одни и те же черты, иногда они до мелочей повторяют друг друга, а между тем в них не может быть и речи о каких бы то ни было заимствованиях» и ещё: «...мы видим, как постоянно одно и то же открытие, одинаковая мысль вновь зарождаются в разных местах земного шара, в разные эпохи, без какой бы то ни было возможности заимствования».

Далее Вернадский поясняет в своём открытии, «...что даже громко высказанная, легко доступная мысль и теперь долгие годы, иногда десятки лет, не оказывает своего влияния или только изредка встречает понимающих и развивающих её дальше сторонников». Жизнь гения – генерального конструктора мысли – именно благодаря своим независимым идеям, как правило, есть жизнь *изгоя общества*, числящего его в разряде «скомороха», «чудака», а то и просто «безумца» – существа *с-ума-соседшего*, а потому не только приниженного и отвергнутого, но часто физически уничтожаемого. Но после смерти гений вдруг приобретает немалую славу, его идеи

и мысли, прежде порицаемые, формируют научный и общественный климат, а сама личность гения становится объектом обожания».

И - ТРЕТЬЕ, главное, – действие **второй философы**;

у Вернадского сказано: «Вся история науки на каждом шагу показывает, что отдельные личности были более правы в своих утверждениях, чем целые корпорации учёных или сотни и тысячи исследователей, придерживавшихся господствующих взглядов. Многие научные истины, входящие в состав современного научного мировоззрения, или их зародыши проповедовались в прежние века отдельными исследователями, которые находились в конфликте с современным им научным мировоззрением...Истина нередко в большем объёме открыта этим научным еретикам, чем ортодоксальным представителям научной мысли. Конечно, не все группы и лица, стоящие в стороне от научного мировоззрения, обладают этим великим прозрением будущего человеческой мысли, а лишь некоторые, немногие. Но настоящие люди с максимальным для данного времени истинным научным мировоззрением всегда находятся среди них, среди групп и лиц, стоящих в стороне, среди научных еретиков, а не среди представителей господствующего научного мировоззрения. Отличить их от заблуждающихся не суждено современникам. Несомненно, и в наше время наиболее истинное, наиболее правильное и глубокое научное мировоззрение кроется среди каких-нибудь одиноких учёных или небольших групп исследователей, мнения которых не обращают нашего внимания или возбуждают наше неудовольствие или отрицание». И особо, с категоричностью закона, Вернадский утверждает: «На каждом шагу видно влияние *отдельных личностей и борьбы с ними*. На этом зиждется рост и прогресс научного мышления».

В этой насыщенной сентенции светится, однако, не столько эмпирическое открытие, сколько грамматизированное *credo* русской духовной доктрины – *главенство отдельной человеческой личности*, данное в специфических признаках истории научной мысли. Но для понимания философской сути научной деятельности академика В.И.Вернадского необходимо сосредоточиться как раз на эмпирическом уровне его постижений, поскольку именно в этой части с наибольшей ясностью выражает себя несовместимость научного мировоззрения Вернадского с императивным социальным институтом. Наиболее авторитетный из современных адептов последнего В.Ж.Келле полно излагает то основополагание, которое генерирует принципиальные расхождения: «Представление науки в качестве социального института связано с отвлечением от индивидуальных личностных черт научной деятельности» и далее: **«Научная творческая деятельность как труд всеобщий несёт на себе личностный отпечаток. Но институциональный подход к этой деятельности выделяет в ней не это личностное начало, а её связь с разделением труда, профессиональность, соответствие нормам данного института»; это последнее и есть главное, «ибо для института важно не само по себе наличие личности, а то, что она способна профессионально**

осуществить в соответствии с принципами, ценностями и нормами социального института науки».

Вернадский постиг, что в основе научного мировоззрения как генератора научной истины помещается главнейшее отношение: *личность – коллектив, и соотношения* между членами этого отношения двигают ход, но не всегда прогресс, развития научной мысли. Вернадскому удалось опосредовать то, что было ясно лишь отдельным гениальным провидцам в науке. Автор первой русской философской системы А.И.Герцен, как назвал его Н.Е.Мартьянов, «умнейший человек Земли Русской», писал: «Не всегда истина на стороне учёных. История и современные явления показывают нам, что большая часть толчков и преимущественно главные толчки в науках давались людьми, не принадлежащими к сфере специально учёных людей, и что специалисты-учёные всегда почти являлись самыми злейшими врагами, самыми неумолимыми гонителями всякой новой идеи и истины...».

Философская составляющая мышления Вернадского, таким образом, вовсе не ограничивается тривиальным *философствованием* или произвольным *отвлечением* мысли, а строго восприняла в себя особенности философской схемы мышления, базирующейся на *вдохновенном (интуитивном)* способе, во всём ореоле отличий этой схемы от научного, рационального по природе, причинно-следственного выведения. В собственно логических признаках такую двойственность можно грубо обозначить как *аподиктическое* рассуждение против *дискурсивного*, и в потенцию своего творческого метода Вернадский включает и *религиозный момент*, что вызывает наибольшую неприязнь со стороны социального института. Вернадский утверждает: «Рост науки неизбежно вызывает в свою очередь необычайное расширение границ философского и религиозного сознания человеческого духа; религия и философия, восприняв достигнутые научным мировоззрением данные, всё дальше и дальше расширяют глубокие тайники человеческого сознания».

Двойственность творческого подхода составляет отличительную особенность всей науки Вернадского, – от методологии до мировоззрения, – и по признаку этого качественного своеобразия наука Вернадского не имеет аналогов не только в российской науке, но и естествознании в целом. Потому взятые в целом, в их совокупности, труды Вернадского превосходят даже теорию происхождения видов Ч.Дарвина, числящейся эталоном научной полноты в естествознании.

Научное наследие Владимира Ивановича Вернадского ознаменовало начало нового мировоззрения, его имя стало символом мышления нашего времени. Синтетическое творчество В. И. Вернадского имеет планетарное значение. Его учение о ноосфере составило теоретический фундамент, на котором построена и развивается Ноосферная научная школа в России.

